«Антисемитизм — это нормально». Евреи Галичины в предвоенной Польше

Сожженная в ходе погрома синагога, Львов, 1918

Об истории польского антисемитизма написано немало, но в Западной Украине (вошедшей в 1919-м в состав Второй Речи Посполитой) он приобрел свою специфику. Характерно, что эти этнические украинские территории долгое время не знали погромов, в то время как Киев и Одессу, Житомир и Екатеринослав, Юзовку и Николаев с конца XIX века периодически накрывало антиеврейское насилие.

Отчасти, это заслуга властей Австро-Венгерской империи, проводивших сдержанно-толерантную политику в отношении национальных меньшинств. Но империи имеют свойство распадаться, что и произошло с Домом Габсбургов осенью 1918 года.

Когда после Первой мировой на обломках вчерашней империи возникли независимая Польша и ЗУНР, евреи не спешили заявить о поддержке одной из сторон, зная, что при любом раскладе окажутся крайними. Впрочем, несмотря на объявленный Еврейским национальным советом нейтралитет, немало евреев встали под сине-желтые знамена. Кроме того, если поляки бойкотировали выборы в парламент ЗУНР, то евреи принимали в них активное участие.

Расплата не заставила себя ждать. Сразу после захвата Львова польскими войсками — 21-23 ноября 1918 года — по городу прокатился кровавый еврейский погром. «Польские легионеры… маршировали под командованием офицеров по улицам еврейских кварталов и занимались систематическим грабежом, громили еврейские магазины при помощи штыков и ручных гранат, окружали дома и сжигали их, — писал в те дни корреспондент берлинской Jüdische Rundschau. — Отдельные жители выскакивали из окон, спасаясь от огня. Легионеры стреляли в несчастных. Во Львове около 10 000 евреев остались без крыши над головой, разрушено 80% еврейской коммерческой собственности. В настоящее время есть сведения о 600 раненых, найдено 40 обугленных трупов. Грабеж продолжался беспрерывно с утра пятницы до полудня воскресенья. Это произошло почти сразу же после того, как в четверг утром украинские войска покинули город».

Генерал Юзеф Галлер

Могилы жертв погрома на Новом еврейском кладбище Львова

Погром был организован регулярными войсками генерала Юзефа Галлера и поддержан добровольцами — львовскими «орлятами». По уточненным данным, за три дня бесчинств 73 еврея были убиты, сожжены три синагоги и множество частных домов. Попутно «орлята» с солдатами убили 270 украинцев. При этом польское командование перевело стрелки на неких австрийских и немецких дезертиров и уголовное отребье, якобы выпущенное из тюрем властями ЗУНР. Тогда же еврейским организациям строго настрого запретили называть этот «инцидент» погромом. Лишь недавно польский историк Гжегож Гауден издал книгу, описывающую причины, ход и детали той резни.

На этом насилие над евреями не прекратилось. По мере продвижения на восток солдаты Галлера грабили еврейские дома, а иногда и убивали их обитателей — около 400-500 галицких евреев стали жертвами польских военнослужащих.

Издевательство над мирным еврейским населением вообще было любимой забавой польских военных. Например, когда в 1919-м Галлер захватил Скалу (сегодня Скала Подольская, Тернопольская обл.), жовниры показали себя во всей красе. Излюбленным их развлечением было отловить «жида» и обрить тому бороду и пейсы (два десятилетия спустя так забавлялись солдаты Вермахта).

Если события Львовского погрома 1918 года хотя бы получили резонанс, то о погромах 1930-х годов известно гораздо меньше. В частности, 9 марта 1936 года местные крестьяне напали на евреев городка Пшитык в Келецком воеводстве. На следующий день погром распространился на ближайшие местечки.

Еврея, убившего погромщика в Пшитыке, суд признал виновным и приговорил к длительному сроку заключения. При том, что закон разрешал применения оружия в случае смертельной опасности.

Еврейское кладбище в Пшитыхе

Мордехай Гебиртиг

По следам этих событий была написана знаменитая песня «Наш штетл горит!» («Ундзер штетл брент!»).

…Горит, братья, горит!
Все зависит лишь от нас.
Если город наш вам дорог,
Так спасайте сами город,
Чтоб огонь погас!
И себя спасайте сами
Средь горящих плит
И гасите, братья, пламя!
Город наш горит!

Во время Второй мировой «Ундзер штетл брент!» пели в Краковском гетто, да и в других гетто и концлагерях. Ее автор Мордехай Гебиртиг погиб в июне 1942 года во время облавы.

В 1935-1937 годах погромы прокатились по Ченстохову, Люблину, Белостоку, Гродно и другим населенным пунктам. И это уже было невозможно списать ни на военную неразбериху, ни на мифических дезертиров.

Напомним, что на Парижской мирной конференции 1919 года Польша обязалась гарантировать права национальных меньшинств. Проблема была крайне актуальна, учитывая наивысшую в Европе долю нацменьшинств — почти треть населения Польши. Среди польских подданных украинцы составляли 14,3%, а евреи — 7,8 %.

В Версале Варшава гарантировала, что принадлежность к национальному меньшинству не будет влиять на допуск образованию, государственной службе и пр. Эти же обязательства содержались в принятой 17 марта 1921 года Конституции, включая право меньшинств на развитие своей культуры и языка.

Антисемитские плакаты периода Советско-польской войны

Реальная же политика сводилась к максимальной полонизации всех сфер деятельности. Например, во Львовском университете были закрыты все украинские кафедры, а большинство украинских школ превратились в польские. Положение евреев было не лучше. Тем более, что антисемитизм стал одним из ключевых элементов в идеологическом противостоянии Варшавы с имперским СССР (пресловутая «жидокоммуна»), ведь еще была жива память о командующем Красной армии Льве Троцком.

В отношении евреев широко практиковалось негласное квотирование при поступлении в гимназии, университеты или на государственную службу. Это подразумевало запрет на работу даже на почте или железной дороге. В Варшавском университете в то время преподавали лишь два профессора-еврея, а во всех вузах страны насчитывалось только 11 профессоров и доцентов-евреев.

Гарантированная в Версале государственная поддержка национальных школ практически отсутствовала. Существующие же еврейские, как и украинские школы содержались преимущественно на средства общин.

Фелициан Складковский

Уличный торговец-еврей, Варшава, 1938. Фото: Роман Вишняк

После майского переворота 1926 года и прихода к власти Пилсудского действие ряда статей Конституции были приостановлены, а в Конституции 1935 года уже отсутствовал раздел, гарантирующий права меньшинств.

Антисемитская риторика стала отличительной чертой режима — по уровню антиеврейской пропаганды Польша того времени уступала разве что нацистской Германии. Правая Национально-демократическая партия активно раскручивала тему «лавочников-мироедов» (что привело к упомянутым погромам в Пшитыке, Ченстохове и пр.). Мол, обнищание сел и маленьких городов — результат козней мерзопакостных еврейских торговцев. Соответственно, если уничтожить этот «гнойник» — всем будет счастье. Об этом с высокой трибуны Сейма откровенно заявил премьер-министр Фелициан Складковский: «Экономическая война с евреями — это нормально». Этот политик, напомним, прославился и как крестный отец печально знаменитой политики «пацификации» украинцев.

Противостояние с национальными меньшинствами значительно ослабило польское государство, что сделало страну легкой добычей для Гитлера и Сталина.

Дмитрий Полюхович, специально для «Хадашот»